

Убежище киммерийского отшельника

125-летие со дня рождения Максимилиана Волошина пришлось на май. Но эхо полукруглого юбилея докатилось до сентября и подвигло Государственный литературный музей, что в Трубниковском переулке, на создание экспозиции «Дом поэта. Прошлое и настоящее».

Выставка, как нетрудно догадаться, посвящена знаменитой поэтической обители Волошина в Коктебеле, где поэт и переводчик, художник, философ нашел свой приют.

Несмотря на обширное наследие Волошина, огромное количество фото- и архивных документов, его акварелей, воспоминаний о нем современников, жизнь его до сих пор представляется загадкой.

Выставка, подобно летописи, очень подробно знакомит посетителей с основными действующими лицами театра жизни Максимилиана Волошина. Со снимков (у него был хороший фотоаппарат) на нас смотрят, словно мучимая демонами Зиновьева-Аннибал, не менее выразительный хозяин знаменитой Башни Вячеслав Иванов, скромная учительница Дмитриева, Сабашникова в шляпе с птичьим пером, воздушная, лукавая - вот-вот, кажется, взмахнет крылом и улетит, Николай Гумилев и многие другие. Артисты, паяцы, гении и злодеи - иногда в одном лице.

На большинстве снимков на фоне Дома поэта Волошин представлен этаким Дионисом или Вакхом в окружении вакханок и менад: по-гречески загорелый, кудрявый, в тоге и сандалиях, а иной раз - и безо всего, как есть.

В Коктебель Волошин уедет в 1917 году - и до конца своих дней станет киммерийским отшельником. Октябрьской революции он вроде бы не принял. Потрясение было таким сильным и тяжелым, что целый год он не может написать ни строчки. Но потом вдруг - неожиданное оживление общественной деятельности, которое так удивило Бунина и шло вразрез с отношением к нему Советской власти. Именно в это время в «Известиях» появляется заметка со словами: «К нам лезет Волошин, всякая сволочь спешит теперь примазаться к нам...».

Справедливости ради стоит отметить, что «примазывается» Волошин не для одного себя. В его доме находят убежище как гонимые как красными, так и белыми. В 1918 году он останавливает разгром имения Э. А. Юнге, где хранилось множество произведений искусства и редкая библиотека, в следующем году с мандатом «комиссара по охране памятников древности и искусств» спасает от погрома немало культурных ценностей Крыма.

А все-таки волна большевистского террора его не коснулась. Ни на photographиях, ни на акварельных полотнах того периода нет и намека на то, что можно было бы назвать тревогой или травлей. Все та же китаяская безмятежность, созерцательность, медитативность. Какая-то в них разлита нега и нежность, словно Волошин, не нашедший в реальности подкрепления своей веры в человека, решил излить всю любовь на окружающую природу Крыма. На желтоватых, сумеречных, пустынных пастельных полотнах - ни одного человека.

На свой дом, где с 1920 по 1930-е годы обрели приют и недолгий отдых поэты, писатели и художники Серебряного века Мандельштам, Цветаева, Бальмонт, Бердяев, Андрей Белый, Алексей Толстой, Ахматова и многие другие, Волошин имел охранную грамоту. И лишь к 1928 году дом поэта обкладывается непосильным налогом. Его хотят отобрать, поскольку частная собственность вместе с собственниками - гнилой пережиток темного прошлого. Скудной зарплаты деятеля ЦЕКУБУ (Центральной комиссии по улучшению быта ученых) - 60 рублей в месяц - не всегда хватает на жизнь. Волошин еще пробует заигрывать с властью, отписываясь статьями, где громит русский империализм. Но дни его сочтены.

На снимках последней поры - дряхлый старик с палочкой, уставший, сутулый, от прежнего античного бога только кудри, изрядно поседевшие. Русский поэт на фото 1931 года словно прощается с друзьями, которые всегда находили в его доме гостеприимный кров.

Через год его разобьет паралич, усилится астма, и он уйдет в тот далекий и призрачный край, намеками на который полны его коктебельские пейзажи. Пейзажи, где четкие контуры, глубина и непередаваемое обаяние будто примиряют человека с самим собой:

*Был влажный вечер,
выцветший от зноя,
И дали осмугленных
облаков.*

Облака, горы и море. И больше никого и ничего. Слово и не было ни до, ни после творца, запечатлевшего их на бумаге. И нет. Творца вдохновенного, вольного и до сих пор неразгаданного...

Игорь МИХАЙЛОВ.

Обложка: правый - 2002. - 2 ноября. - С. 6